

СТИВЕН КИНГ

Все предельно

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Шейн Леонард

Я поступил просто: достал из колоды все пики и добавил к ним джокера. От туза до короля — 13. Плюс джокер — четырнадцать. Перемешал карты и разложил. Как они выпали, в таком порядке я и расставил рассказы, отталкиваясь от списка, который прислал издатель. В итоге получился на удивление удачный баланс между литературными рассказами и «ужасниками». Прибавил также несколько строк комментариев до или после каждого рассказа, в зависимости от того, где они уместнее. Итак, сборник рассказов, место которых определено картами.

ПРЕДИСЛОВИЕ: РАБОТА В УТЕРЯННОМ (ПОЧТИ) ЖАНРЕ

уже многократно писал о радости, получаемой от самого процесса писательства, и не вижу смысла повторяться, но должен сделать одно признание: я также получаю дилетантское удовольствие, вмешиваясь в деловые вопросы, связанные с моим творчеством. Нравится мне придумывать что-то новенькое, использовать какой-нибудь нестандартный ход. Я пытался писать визуальные романы («Буря столетия», «Красная роза»), сериальные романы («Зеленая миля»), сериальные романы в Интернете («Растение»). Речь идет не о том, чтобы заработать больше денег, и даже не о создании новых рынков. Это попытка взглянуть на творчество, писательство под иным углом и таким образом внести свежую струю в процесс создания артефактов, в моем случае — литературных произведений, а если говорить конкретно об этом сборнике — рассказов, дабы они доставляли читателям как можно больше удовольствия.

© Перевод. В. Вебер, 2003.

Сперва я хотел добавить «меня сам процесс радовал новизной», но потом вычеркнул эти слова, чтобы не кривить душой. Скажите, дамы и господа, кому я этим могу запудрить мозги, кроме как себе? Я продал свой первый рассказ в двадцать один год, когда учился в колледже. Сейчас мне пятьдесят четыре, и очень, очень много слов прошло через компьютер весом в 2,2 фунта, на котором я ношу бейсболку «Ред сокс». В написании рассказов нового для меня давно уже ничего нет, но это не означает, что сам процесс потерял привлекательность. Однако, если бы я не находил способов сохранять это занятие захватывающим и интересным, оно наверняка мне надоело. Я не хочу, чтобы такое произошло, потому что не считаю возможным обманывать тех, кто читает мои произведения (а это вы, дорогой Постоянный Читатель), и не намерен обманывать себя. Мы, в конце концов, пара. У нас свидание. Мы должны развлекаться. Танцевать. Наслаждаться временем, проведенным вместе.

Пожалуйста, помните об этом, а пока другая история. Нам с женой принадлежат две радиостанции, смекаете? WZON-AM, она специализируется на спорте, и WKIT-FM, ее конек — классический рок (как мы говорим, «Рок Бангора»). Радио — далеко не самый прибыльный бизнес, особенно в Бангоре, где слишком много радиостанций и недостаток слушателей. Мы крутили современную кантри, классическую кантри, ретро, классическое ретро, Раша Лимбау, Пола Харви, Кейзи Казема. Радиостанции Стива и Тэбби Кинг многие годы приносили одни убытки, не слишком большие, но достаточные, чтобы нерви-

ровать меня. Мне нравится ходить в победителях, и хотя мы выигрывали в рейтингах компании «Арбитрон», которые для радио то же самое, что рейтинги Нилсена для TV, в конце каждого года выяснялось, что потратили больше денег, чем заработали. Мне объясняли, что рекламный бюджет рынка Бангора не столь велик, и пирог режется на слишком много кусков.

И тогда у меня возникла идея. Напишу радиопьесу, решил я, вроде тех, что любил слушать с дедушкой в Дархэме, штат Мэн. Хэллоуинскую радиопьесу, черт побери! Я знал, разумеется, о знаменитой, или позорной, хэллоуинской адаптации «Войны миров», которую Орсон Уэллс сделал на «Меркури тиэтре». Идея Орсона Уэллса (безусловно, гениальная идея) состояла в том, чтобы превратить классический роман Герберта Уэллса о вторжении марсиан на Землю в серию информационных выпусков и репортажей. Идея сработала. Сработала настолько блестяще, что страну охватила паника, и Уэллсу (Орсону — не Герберту) на следующей неделе пришлось извиняться перед радиослушателями (готов спорить, извинялся он с улыбкой на лице... знаю, что я улыбался бы, если довелось столь убедительно лгать).

Я подумал: что сработало для Орсона Уэллса, сработает и для меня. Вместо танцевальной музыки, с которой начиналась адаптация Уэллса, я намеревался начать свою пьесу с песни Теда Ньюджента «Кошачья лихорадка». А потом в эфир вышел бы один из наших настоящих радиоведущих (ди-джеями их уже никто не называет). «Это Джи-Джи Уэст, новости WKIT, — скажет он. — Я нахожусь в деловом центре Бангора, где более тысячи чело-

век столпилось на Пикеринг-сквер, наблюдая, как большой серебристый дискообразный объект опускается на землю... одну минутку, если я подниму микрофон, вы, возможно, все услышите сами».

И пошло-поехало. Я мог бы использовать домашнюю студию для создания необходимых звуковых эффектов, актеров местного муниципального театра, но каков главный плюс? Самый главный плюс? Записанную пьесу мы могли продавать радиостанциям по всей стране! Так что прибыль, полагал я (и мой бухгалтер со мной согласился), пошла бы по статье «Доходы радиостанции», а не «Доходы от продажи литературного произведения». Таким образом можно было компенсировать недостаток денег, получаемых от рекламы, и в конце года вывести наши радиостанции из зоны убытков!

Идея написать радиопьесу захватила меня так же, как и возможность превратить наши радиостанции из убыточных в прибыльные благодаря писательскому мастерству. И что из этого получилось? Я не смог этого сделать, вот что. Как ни пытался, все, что выходило из-под моего пера, вернее, появлялось на дисплее компьютера, звучало как повествование. Не пьеса, развитие действия которой легко рисуется в вашем воображении (те, кто постарше и помнит такие радиопрограммы, как «В тревожном ожидании» и «Дымящееся ружье», понимают, о чем я), а наговоренная на пленку книга. Уверен, с тем, что я написал, мы все равно могли выйти на рынок и заработать какие-то деньги, но я знал, что успеха эта пьеса иметь не могла. Она скучна. Обманывает ожидания слушателей. Не получилась она у меня, и я не знаю, как ее выправить.

Радиопьесы, как мне представляется, — утерянный жанр. Мы лишились способности видеть нашими ушами, которой не так уж давно обладали. Я же собственными ушами слышал по радио, как какой-то парень постукивал костяшками пальцев по полному куску дерева... и ясно, как божий день, видел Мэтта Диллона, в пыльных сапогах подходившего к стойке бара в салуне «Лонг Бранч». Увы. Те дни канули в Лету.

Писать пьесы в шекспировском стиле, комедии и трагедии, вырастающие из белого стиха, — еще один утерянный жанр. Люди пока ходят на студенческие постановки «Гамлета» и «Короля Лира», но будем честны перед собой: как вы думаете, сможет ли хоть одна из этих пьес составить конкуренцию передаче «Слабое звено» или сериалу «Сервайвер Пять: прикованный к Луне», даже если Гамлета сыграет Брэд Питт, а Полония — Джек Николсон? И хотя народ любит разгул страстей, бушующих в «Короле Лире» или «Макбете», от наслаждения неким жанром до способности сказать новое слово в этом жанре — дистанция огромного размера. Время от времени кто-то пытается поставить пьесу, написанную белым стихом, на Бродвее или рядом с ним. Все эти попытки неизменно проваливаются.

Поэзия — не утерянный жанр. Поэзия чувствует себя даже лучше, чем раньше. Разумеется, привычная банда идиотов (как называли себя сотрудники журнала «Мэд») никуда не делась, это люди, путающие претенциозность с талантом, но при этом достаточно и настоящих мастеров своего дела. Если вы мне не верите, загляните в литературные журналы или местный книжный

магазин. На каждые шесть никудышных стихотворений вы найдете одно или два хороших. А это, уверяю вас, очень приличное соотношение пустой породы и полезного продукта.

Рассказ — пока еще не утерянный жанр, но я готов спорить, что в сравнении с поэзией он стоит гораздо ближе к краю пропасти небытия. Продав свой первый рассказ в 1968 году, я уже слышал стоны по поводу неуклонного сокращения рынка: дешевые журналы ушли, дайджесты уходили, еженедельные приложения (вроде «Сэтеди ивнинг пост») умирали. За прошедшие годы я собственными глазами видел, как сужается рынок рассказов. Господи, благослови те маленькие журналы, где молодые писатели до сих пор могут публиковать рассказы, получая за это авторские экземпляры. Господи, благослови тех редакторов, которые до сих пор читают горы самотека (значительно увеличившиеся из-за страха, вызванного приходом нового тысячелетия). Господи, благослови тех издателей, которые еще дают зеленый свет антологиям новых рассказов, но Богу нет нужды проводить целый день, даже обеденный перерыв, благословляя этих людей. Хватит десяти или пятнадцати минут. Их мало, и с каждым годом становится все меньше. Журнала «Story», трамплина для молодых писателей (включая меня, хотя я на его страницах практически не публиковался), уже не существует. Так же как и журнала «Amazing Stories», несмотря на регулярно повторяющиеся попытки оживить его. Интересные научно-фантастические журналы, вроде «Vertex», закрылись, как и журналы, специализирующиеся на «ужастиках», такие, как «Creery» и «Eerie».

Этих прекрасных периодических изданий давно уже нет. Время от времени кто-то пытается возобновить издание одного из них. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, такая попытка предпринимается в отношении «Weird Tales». Практически все они заканчиваются неудачно. Как и в случае с пьесами, написанными белым стихом, не успеешь моргнуть, как открывшиеся журналы уже закрываются. Ушедшее вернуть невозможно. У потерянного есть свойство оставаться потерянным.

Я из года в год продолжаю писать рассказы, частично потому, что время от времени по-прежнему приходят идеи, отличные компактные идеи, на реализацию которых требуется три тысячи слов, может, девять, максимум пятнадцать, частично, потому что это способ доказать, как минимум себе, что я не исписался, что бы там ни говорили недоброжелательные критики. Рассказы — все та же штучная работа, аналог уникальных авторских экземпляров, которые можно купить только в магазине художественных изделий. Если у вас хватит терпения и вы подождете, пока их сделают прямо при вас в подсобке.

Но нет никаких причин, чтобы рассказы продавались теми же дедовскими методами только потому, что создаются они, как и прежде. Нет причин утверждать (как это делают многие критики), что способ, каким продается творение писателя, может в какой-то степени бросить тень на само творение или ухудшить его качество.

Здесь я говорю о большом рассказе (можно сказать, повести) «Катаясь на «Пуле», который я продал самым необычным для себя способом, рассказе, иллюстрирующем многие из высказанных мною положений: утерянное

не так-то легко вернуть, если что-то ушло в прошлое, значит, ни в настоящем, ни в будущем в прежнем виде ему не место, но новые подходы к одному из аспектов писательства, коммерческому аспекту, иногда могут оживить весь процесс.

Над «Пулей» я работал, завершив «Как писать книги», когда выздоравливал после автомобильной аварии и пребывал в весьма неважном состоянии. Творчество отвлекало меня от боли (и продолжает отвлекать), действовало лучше любого болеутоляющего. История, которую я хотел рассказать, очень проста; в чем-то похожа на те истории, что иногда рассказывают воспитатели у костра в летнем лагере. Речь в ней идет о человеке, остановившем попутную машину, за рулем которой сидел мертвец.

Когда, работая над рассказом, я углублялся в нереальный мир своих фантазий, высокотехнологичные «виртуальные» компании росли как на дрожжах в таком же нереальном мире интернет-коммерции. Крепла уверенность, что так называемые электронные книги несут в себе смерть обычным, с обложкой, страницами, которые надо переворачивать руками (страницы эти иногда еще и выпадали, если клей был слабым, а переплет — старым). В начале 2000 года огромный интерес вызвало эссе Артура Кларка, опубликованное только в киберпространстве.

Оно оказалось исключительно коротким (как сестринский поцелуй, подумал я, когда первый раз прочитал его). Мое творение, когда я поставил последнюю точку, оказалось достаточно длинным. Сюзан Молдоу, мой ре-

дактор в «Скрибнере» (будучи фанатом «Секретных материалов», я зову ее агент Молдоу... вы с этим справитесь), как-то позвонила мне, с подачи Вичинанцы, и спросила, нет ли у меня чего-то такого, с чем можно попытаться выйти на электронный рынок. Я отослал ей «Пулю», и мы трое, Сюзан, «Скрибнер» и я, отметились в истории издательского дела. Несколько сотен тысяч человек скачали рассказ, и я заработал неприлично много денег (только это ложь, неприлично много денег заработать нельзя). Даже права на аудиокнигу принесли больше ста тысяч долларов, на удивление крупную сумму.

Я хвалюсь? Раздуваю щеки? Пожалуй, да. Но я так же говорю вам, что «Катаясь на «Пуле» чуть не довела меня до безумия. Обычно, если я попадал в зал отдыха аэропорта, остальные клиенты меня не замечали. Все они разговаривали по мобильникам или заключали сделки в баре. Меня это вполне устраивало. Изредка, сознаюсь, кто-то да подходил и просил расписаться на салфетке для его жены. Жена, сообщал мне этот одетый в строгий костюм, вооруженный брифкейсом мужчина, прочитала все ваши книги. Он, к сожалению, ни одной. Он хотел, чтобы я знал и об этом. Слишком занят. Зато прочитал «Семь привычек людей, добившихся успеха». Надо торопиться, знаете ли, до первого инфаркта каких-то четыре года, за оставшееся время необходимо обеспечить свое будущее.

После того как «Пулю» опубликовали в виде интернет-книги (с виртуальной обложкой, логотипом «Скрибнера» и всем остальным), покой мне только снится. В залах отдыха аэропортов меня осаждала толпа. Даже в зале отдыха «Амтрака» в Бостоне. Меня останавливали на